

Осенью здесь падали деревья. Они стояли голые, пока не пересыхали у самого корня. А потом налетал ветер, и в лесу начинался деревопад. Так было потому, что зима здесь длилась ровно четыреста дней, и каждый день был равен земному месяцу.

Я бы сказал тебе, что зима длилась здесь тридцать три земных года, но это будет весьма относительной правдой. Ведь она длилась тридцать три года, три месяца, три дня, три часа, три минуты, три секунды...

И вот так она делила все на три, пока душа не остывала. Потому здесь, на Кайкго, положено зимовать только бездушным аппаратам.

Лишь однажды двое остались на этой планете на всю зиму. Он и она.

– Мне кажется, что осень никогда не наступит, – сказала Исель Ронсан.

Наван не ответил, он раскладывал по тарелкам овсянку. По двум тарелкам, хотя одна так и останется нетронутой.

Мегью, кошка сомалийской породы, надменная, медово-рыжая, с редкой темной остью по хребту, шумно фыркнула. Она по запаху знала то, чего люди не могут понять, даже глядя на календарь: лету пришел конец.

Исель и Наван Ронсан были биоинженерами, они прилетели на Кайкго изучать револис аргис – живые камни.

Исель – невысокая, рыжеватая, как и ее кошка, худощавая, с пухлыми вкусными губами. Наван – брюнет с короткой бородкой. Они были сработавшей супружеской парой, активно делали карьеру и не тратились на сантименты. Особенно Наван. А Исель, ласковая от природы, с детства умела довольствоваться малым – случайным прикосновением рук, поволокой в любимых глазах. Она любила надевать его рубашки и не настаивала на большем. Но все это было давно. Почти два года назад.

Наван сел рядом с саркофагом и подвинул чашечку с утренним кофе поближе к лицу жены, хорошо различимому за толстым стеклом. Медицинский агрегат был огромным. Исель могла там и есть, и спать, и даже сделать десяток шагов из конца в конец, но там же она была заперта. Только зима Кайкго могла сделать ее свободной.

– Осень... – повторила Исель одними губами. Дыхание ее было таким холодным, что не замутило стекла.

Наван кивнул, не поднимая темные глаза от чашки. Никто не знал, кому было тяжелее, ему или Исель – тонкой, хрупкой, но очень сильной.

Мегью, не выносившая томительные паузы этих утренних завтраков, требовательно замыкала, выпрашиваясь за дверь.

Наван встал и выпустил кошку. Крупных хищников на планете не было, они просто не переживали здешнюю зиму.

С тех пор как на Земле закончились углеводороды, мы слишком зависим от электричества. Но возьми условия астероидов или наши, на Кайкго, – и остается лишь атом. Мы здесь не сможем зимой использовать легкие электрические машины. Слишком велики перепады температур.

Разнообразие насекомых и растений уже угасало, опережая осеннюю непогоду. Но Мегью с удовольствием пугала последних желтых «бабочек», что липли на тепло атомной станции.

К полудню прилетел Сион Асмин, космобиолог со станции «Азорра». Ее уже приготовили к консервации. Биологи улетали завтра.

Сион был высок, крижист, совершенно сед. И весь он последние дни был как немой укор.

Он хотел, чтобы семья Ронсан тоже поднялась на орбиту, а потом, законсервировав и там жилые модули, отправилась с остальными к Марсу, где располагался сейчас основной форпост землян. Он полагал, что Наван задумал чушь, а Исель – и вообще нечего спрашивать, нужно просто погрузить ее саркофаг на атомолет. Ах, у вас еще кошка? Ну а ты взять за шкуру и сунуть в багажный отсек!

Наван слушал и молчал. И в конце концов друзья перестали это обсуждать. Совсем.

– Я договорился, – сказал Сион, глядя под ноги. – На базовых спутниках оставят резервное топливо. На всех трех спутниках. Если ты...

Наван кивнул.

– Если ты передумашь... – Биолог замолчал и стал смотреть в окно на Мегью, решившую вдруг извести всех «бабочек» в округе.

Наван отправился в кухонный отсек жилого модуля нарезать консервированную ветчину. Они с Исель решили устроить сегодня «отгул» на пару часов, чтобы можно было напоследок напоить друга чаем и накормить вареньем из «оранжевых бусин» – местного, прошедшего все положенные био-проверки растения: терпкого, пряного, горького до сладости.

Кайкго была царством самых удивительных растений, семена которых приспособились расселяться по планете весной. Ведь мест для зимовки часто оказывалось не так уж много.

Тем не менее зимой планета не была безжизненной. Биоценоз организовывали револис аргис (живые камни), становясь основанием пищевой цепочки для зимних видов животных – в основном это были насекомые и крошечные грызуны.

Наван любил сравнивать револис аргис с пылыми холмами из английских сказок. Ведь именно рядом с живыми камнями в запредельные морозы теплилась жизнь. Но даже аппаратам была небезопасна температура Кайкго, а особенно ее ледяные бури и внезапные холодовые провалы, когда едва ли не космический холод колодцами сходил на грунт.

Потому «холмы» Кайкго не были до сих пор изучены как следует. И наблюдение за ними всю долгую зиму могло принести науке огромную пользу. Если исследователям удастся выжить, разумеется. – А кошка-то не замерзнет? – спросил Сион, откусывая бутерброд.

Сладкого он не любил, но, не желая обидеть Исель, зачерпнул и варенье и заел им ветчину, стараясь не морщиться.

– Кошка, я думаю, замерзнет в последнюю очередь, – заверил Наван.

Сион поднялся, скомканно попрощался. Ему было неловко и больно, но он должен был улетать.

Исель смотрела на экран компьютера, заменяющий ей окно, пока стосорокаметровая капсула атомолета не растворилась в небе.

– Нам нужно универсальное горючее, – сказал Наван задумчиво. – Простое и экологически чистое. С тех пор как на Земле закончились углеводороды, мы слишком зависим от электричества. Но возьми условия астероидов или наши, на Кайкго, – и остается лишь атом. Мы здесь не сможем зимой использовать легкие электрические машины. Слишком велики перепады температур.

Наван повторял хорошо известное, чтобы не говорить о текущем. И даже Мегью, просочившаяся в дом, когда уходил Сион, притворно зевнула.

– Да, – кивнула Исель, и динамик передал ее голос ясно и без искажений. Наван сам настраивал его. – Я помню. Ты говорил, что процессы в живых камнях регулируют бактерии. Что именно они превращают жидкость, скапливающуюся в основании «каменных колоний», в некое биологическое топливо. Но мы искали одиннадцать лет и не нашли даже следов подобных процессов.

– Ничего, – сказал Наван. – У нас впереди целая зима.

Он посмотрел на часы, убрал со стола тарелки, аккуратно упаковал в пленку остатки ветчины. Запасы были регламентированы, даже «овсянку жены» Наван привык доедать на ужин. Исель не ела обычной пищи, ее питали специальные растворы, не разрушающие ее гелеобразную кровь.

История болезни Исель Ронсан была причудлива, словно история человечества. Был момент, когда земляне всерьез рассматривали замораживание своих тел как некий прорыв к продолжительности жизни. Тогда же был выведен вирус, превращающий кровь в сверхтекучий при низких температурах гель, и все население Земли получало тогда прививки, внедряющие этот вирус в геном. Вирус должен был активироваться в момент смерти, совершенно меняя некробиоз человеческого тела. Затем тело охлаждали и отправляли на хранение. Предполагалось, что ученые уже близки к тому, чтобы сделать людей бессмертными, и скоро они, разморозив тела, вновь вдохнут в них жизнь.

Эти времена давно прошли, теперь продолжительность жизни регулировалась иначе, однако фрагменты спящего вируса не так-то просто оказалось удалить из генома людей. Вирус маскировался и иногда просыпался сам.

Он не убивал, Исель могла вести полноценную жизнь, но... только при отрицательных температурах.

Так они и жили: +20°C в модуле, где обитал Наван, и -20°C – за толстым стеклом саркофага. Для Исель с Марса доставили специальный компьютер и медицинское оборудование, но лаборатория была, конечно, целиком на Наване.

Медики не смогли ответить на вопрос, что пробудило вирус в крови Исель после девяти лет жизни и исследований на Кайкго. Возможно, ретроболезнь проснулась сама по себе или причиной были стрессы, смена климата, межзвездный перелет...

Исель ругала себя лишь за то, что за девять лет брака они с Наваном не удосужились родить малыша. Мальчика или девочку. Супруги не думали, что

останутся зимовать на Кайкго, и планировали завести детей уже на марсианской станции «Азимут».

На следующее утро прямо на золотые гроздьи «бабочек» крупными хлопьями повалил снег.

Теперь Наван каждое утро начинал с похода к окну, за которым висел градусник.

Этот утренний ритуал он соблюдал неукоснительно: поход к градуснику, чтение метеосводки со спутника, чашка кофе, «завтрак» с женой, обмен улыбками через стекло, а потом уже – проверка датчиков, обзор работы наблюдательных модулей, программирование громоздких атомных роботов, строящих туннель к ближайшей колонии живых камней: долину все сильнее засыпало мягким и липким снегом.

Исель трудилась дома, систематизируя данные.

Сначала упали ниже нуля ночные температуры.

Но утром солнце быстро нагоняло градусы, и снег начинал таять. (Исель и Наван называли звезду Кайкго солнцем, это тоже была желтая, приветливая звезда.)

Наконец холод установился твердо. Просмотрев утренний прогноз погоды, Наван улыбнулся и даже сподобился добавить в кофе ложечку коньяка.

– Мы сможем прогуляться вместе! – сказал он торжественно.

Исель так и замерла. Два года она смотрела на мужа через стекло.

Конечно, Наван мог бы иногда входить в саркофаг, одевшись потеплее, но... кто потом будет чинить сложнейший агрегат, случись с ним чего от перепадов температуры?

На Исель были легкая шубка и термообувь, чтобы возможное тепло не пробралось к телу. Наван же был одет в куртку и теплые ботинки с совершенно противоположной целью. Однако он вновь мог обнимать жену и держать ее за руку, пусть эта рука и пряталась в перчатке.

Утренние исследования были переложены на плечи автоматов – Наван не мог наглядеться на Исель. Лицо ее было так близко: он смотрел ей в глаза всего лишь через плотный тяжелый воздух Кайкго и мельтешение падающего снега.

Рука об руку они дошли до колонии живых камней. Сначала по долине к ней вела промятая роботами тропинка, а там, где начинался поваленный лес, был построен уже туннель, чтобы с дальнейшим похолоданием людям было удобнее вести исследования у самых каменных «корней». Здесь Наван устроил основной наблюдательный пункт, оборудованный датчиками тепла, движения, камерами.

Наван не говорил даже Исель, что основные его исследования совсем не те, о которых он с такой горячностью заявил Всеобщему комитету космобиологии. Только здесь, на Кайкго, было достаточно тихое место для нерегламентированного и требовавшего массы специальных разрешений изучения ретровируса.

Именно таким пунктам не удавалось еще пережить зиму Кайкго.

Самые крупные камни колонии были с небольшое здание, самые маленькие – не больше Исель. Округлые, похожие на исполинские яйца, они торчали прямо из толстой лесной подстилки.

Роботам пришлось потрудиться, чтобы очистить вокруг камней достаточное для исследований Навана пространство и сформировать проход в упавших деревьях.

Исель шла с осторожностью. С непривычки она быстро устала. Ей хотелось опуститься на снег, такой приятный, мягкий и... теплый на вид.

Она мысленно отметила этот феномен. Потом сняла теплоизолирующую перчатку и прикоснулась к снегу голой рукой... Теплый!

Исель улыбнулась. Изучение собственной болезни очень помогало ей сохранять желание жить и работать. Она вела не только дневник исследований, но и дневник собственных реакций.

– Ну вот и моя выносная лаборатория! – выдохнул наконец Наван.

Он тоже слегка запыхался, но больше от волнения.

Супруги оказались в обширной снежной пещере у подножия большого камня и двух малых. Там

у Навана стояли датчики, запустившие щупы глубоко в землю, еще совсем теплую. Снулых насекомых, которых всегда было много вокруг каменных колоний, Наван аккуратно смел в кучку, чтобы не мешали.

Исель с осторожностью поднесла к каменному боку руку в перчатке.

– Мне кажется, или камни стали более упругими? – спросила она.

Наван снял перчатку, провел пальцами по чуть влажной холодной поверхности.

– Нужно бы взять пробы... – сказал он с сомнением.

Но первый же соскоб даже без приборов, просто на глаз, уже подтверждал выводы Исель.

Наван нахмурился. Теперь ему не нравилось все. Слишком долго земля под камнями сохраняла тепло, слишком быстро остывали сами камни...

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил Наван, когда они возвращались к модулю.

– Я думаю... – Исель остановилась, взяла его за руки – перчатки к перчаткам, поднялась на цыпочки и заглянула в глаза. – Я думаю: мой муж на пороге великого открытия! Я думаю... – Исель лукаво улыбнулась. – У меня – великий муж!

«И он разгадает не только загадки Кайкго, – подумал Наван. – Он найдет и лекарство от ретровируса. У него есть кровь Исель и 33 года зимы на Кайкго. И никто здесь не сможет ему помешать поставить самый смелый эксперимент, если он будет нужен. Да хоть бы и на самом себе...»

Наван обнял жену, стараясь не дышать на любимое лицо. Его дыхание могло обжечь.

На глазах у Навана выступили слезы, но Исель прижалась к его груди и не видела их. Сама она больше не умела плакать.

Наван проводил Исель, постоял, открыл дверь в модуль. Мегью, мяукая, выбежала ему навстречу.

В модуле было уютно. Его пространство свободно трансформировалось, можно было смонтировать любое количество блоков для отдыха и работы.

Сейчас зона отдыха была развернута всего одна. Почти весь модуль, даже места, предназначенные для жилой зоны, были перенастроены Наваном под лабораторию. Только в углу жался небольшой пузырь, где хранилась всякая всячина. Этакая холодная кладовка.

Квантовый компьютер встретил Исель урчанием. Пока Наван, раздав машинам задания, готовил ужин, она повисла над «пюпитром» – специальной рамкой, которая сканировала голос, мимику, движения рук, температуру тела, чтобы максимально достоверно перевести в машинные символы.

– Сегодня я впервые после начала болезни гуляла по снегу! – начала диктовать Исель.

Компьютер тут же отметил ее возбуждение.

Основательно промерзший Наван разогревал консервированный борщ и одновременно листал старые отчеты, раскатав один из мониторов на полстены. Изменения в камнях насторожили его. Ничего подобного он не замечал за 11 лет исследований.

И все-таки он косился и на другой монитор, где компьютер просчитывал гипотезы по ретровирусу, поразившему Исель.

Наван не говорил даже Исель, что основные его исследования совсем не те, о которых он с такой горячностью заявил Всеобщему комитету космобиологии. Только здесь, на Кайкго, было достаточно тихое место для нерегламентированного и требовавшего массы специальных разрешений изучения ретровируса. Вряд ли ему дали бы заняться этим на Марсе.

Кайкго сгубила Исель, она же должна была и спасти ее.

Мегью уже два раза подходила к пустой миске, потом демонстративно заскреблась у дверей... Но Наван и этого не заметил. Тогда кошка в два прыжка взлетела на стол, уселась прямо перед дверцей электропечки, откуда биоинженер планировал доставать свою порцию борща.

Он уже протянул руку, все еще бегая глазами по строчкам, и наткнулся на мягкую шубку Мегью.

Наван вскрикнул, кошка возмущенно шарахнулась и прыгнула на аппарат Бюела, на дисплее которого неделя за неделей самопищцы вычерчивали линию температуры грунта в районе каменной колонии №1.

Строчка замигала и оборвалась.

– Мегью! – взвыл Наван.

Исель не могла не услышать крики Навана. Она с сожалением отошла от пюпитра, шагнула к прозрачной стене, разделяющей их миры, и не сразу сообразила, что же случилось.

Мегью? Она не смогла бы повредить тяжелый аппарат Бюела, вокруг которого хлопотал Наван. Да и все остальное было на привычных местах...

Но муж махал руками и апеллировал к кошке.

– Ты – безмозглое существо! – свирепствовал он.

Слово «безмозглый» в лексиконе Навана было самым страшным ругательством.

Исель уже хотела было спросить, что случилось. И тут заметила, что температурная кривая погасла.

Она бросилась к компьютеру – может быть, только экран неисправен, а прибор продолжает работать?

Но и в записях библиотеки мониторинга строчка коварно обрывалась. Это было скверно. Именно сегодня появились первые изменения в жизни колонии камней, и вдруг – такая неудача.

Исель внимательно оглядела модуль. Что-то еще было не так...

– Борщ! – крикнула она. – У тебя выкипает борщ!

Наван распахнул дверцу печи, схватил незащищенными пальцами край тарелки и едва не уронил ее.

Мегью с возмущенным мявом забилась под единственную кровать. Она решила, что Наван хотел бросить свой невкусный борщ именно в нее.

Исель смотрела на аппарат Бюела, Наван – на все еще кипящий борщ, кошка из-под кровати настороженно следила за его ногами.

– Мне придется срочно лететь на склад консервации, – сказал Наван.

– Сначала нужно поужинать, – ответила Исель.

Наван вздохнул и сел за борщ, а Исель усталась на экран.

– Какая ерунда! – вдруг сказала она громко.

– А ты откуда знаешь? – спросил Наван.

Вода выкипела из борща основательно, и теперь он казался биоинженеру жутко соленым.

– Подтверждения нет, – сказала Исель.

– В смысле? – Наван повернулся к экрану.

– Я вызвала тебе робота, чтобы лететь, но подтверждения нет.

Наван сунул в рот пустую ложку, укусил ее, встал.

– Может, компьютер дурит?

Биоинженер вызвал сводку погоды. Покачал головой.

– Похолодало-то как, – хмыкнул он. – Значит, компьютер работает. Но что именно вышло из строя? Снова канал сообщения потерялся? У нас вообще как со связью?

Исель молча переслала данные на его монитор. Она уже связалась и со спутником, и с одной из баз на орбите и получила ответы автоматов.

– Чертовщина безмозглая! – выругался Наван.

Он быстро набросил просушенную вешалкой одежду.

– Пойду гляну, что там... – буркнул он и выскочил за дверь.

Исель, саркофаг которой имел выход прямо во двор, тоже набросила шубку, вошла в шлюзовую камеру, а из нее шагнула в снежный вечер.

Небо было белым-белым, с просинью в самом центре, словно там пряталось холодное синее солнце. До темноты оставалось еще часа два.

– Поеду-ка я на лыжах, – сказал Наван. – За час доберусь. Возможно, это временный обрыв связи, а я буду ждать тут невесть чего. Как только робот отзовется – направишь его за мной!

Исель начала было возражать, но Наван уже достал специальную маску и включил стоящие прямо у порога электролыжи – одна широкая лыжина с электромотором на батарее. Настроен он был весьма решительно.

– Здесь езды-то – всего ничего. Если резко похолодает, я расконсервирую на складе резервного робота и вернусь на нем, не беспокойся! – крикнул он, уже разрезая снег лыжиной.

Исель помахала рукой маленькому блестящему пятнышку у горизонта и вернулась к себе в саркофаг.

Увидев, что Наван уехал, Мегью выбралась из-под кровати. Теперь она была полноценной хозяйкой модуля. Исель – не в счет.

Кошка прошла по столу, понюхала борщ, брезгливо потрясла мордой.

Исель могла только следить за ее безобразиями. Она вздохнула и занялась проблемами связи.

Скоро она выяснила, что не отвечали только те агрегаты, что находились у самого подножия каменной колонии, которую они посещали сегодня с Наваном.

Что же могло случиться? Помехи? Магнитная аномалия?

Да и вышедший из строя аппарат Бюела передавал сигналы от этой же злосчастной каменной группы...

Ей нужно было заставить Навана провести хотя бы первичный анализ причин поломки. Дело могло быть вовсе не в хулиганстве Мегью...

Ну, ничего! Наван привезет резервный аппарат Бюела, и все выяснится. А с роботами... А что же у нас с роботами?

Исель переключилась на другую часть задачи.

Наван быстро скользил на электролыжах по склону долины, покрытому пышной периной свежего снега.

Он спустился в ложбину, снова поднялся и увидел вдалеке скалы. Нужная была пока неразличима в куче своих товаров.

Небо тем временем, вместо того чтобы темнеть, становилось все белее, и все густела синяя проточина в самой его вышине.

Наван насторожился, лишь когда щеки его вдруг начали мерзнуть даже под маской. Он притормозил, задрал голову: темная синева разрасталась, словно космос прокладывает себе дорогу вниз.

Но ведь метеопредупреждения не было? Что за чертовщина безмозглая?

Наван движением подбородка включил рацию. Нужно сообщить жене, что с ним все в порядке. Просто на всякий случай. Вот уже и скала показалась, а в ней – схрон. Еще пару минут!

– Исель! У меня все в по... – успел прокричать Наван, и космос сошел на грунт единой холодной волной.

Замолчала рация, перемерзли провода электрообогрева, умерла литиевая батарея, замерзла кровь. Только лыжи еще какое-то время скользили по инерции, пока не уткнулись в сугроб.

Кошка безумствовала. Сначала она забилась под кровать, потом полезла прятаться в ящик с бельем, который Наван, как всегда, забыл запереть. Белья ей показалось мало, и она стянула с кровати плед, долго возила его по полу, пока не затащила поверх белья и не утрамбовала там. Видимо, ее гормональные часы сломались: Мегью на старости лет решила, что беременна, и начала готовить себе гнездо.

Исель вздохнула. С роботами тоже творилось что-то малопонятное. Атомные роботы – громоздки, но сверхнадежны. Что могло нарушить связь с обоими сразу?

Камеры! А отчего же камеры не покажут ей роботов? Почему бы не переключить пару камер из режима сна в режим левитации и не отправить по туннелю на поиски?

Жалко батарей питания. Запас их не так велик, как хотелось бы, а в условиях здешней зимы они быстро выходят из строя... Но ведь и ситуация – явно из ряда вон!

Исель послала запрос и подняла в воздух сразу две камеры. Они заметались в снежном туннеле, пока она не догадалась задать им стандартную программу поиска, но с учетом помех от вездесущих веток. И камеры медленно, но верно двинулись по спирали: одна от туннеля к жилому модулю, вторая – в облет камней.

Камера №2 первой выполнила задачу, но роботов не нашла.

– Еще раз! – приказала Исель. – Замедлить планирование. Круговой обзор!

Внизу что-то блеснуло... На снегу?

– Камера №2 – ниже!

Что же это блестит? Похоже на ртуть...

Но откуда возле камней ртуть? Почему?

Исель без устали гоняла камеру, пытаясь с разных углов разглядеть, что за лужа натекла возле

каменной. Огромная блестящая лужа, слегка выпуклая, похожая на разлитую ртуть.

Рискнуть взять пробы?

Исель подошла к «луже» вторую камеру, чтобы наблюдать за процессом взятия пробы. Приказала камере №2 спуститься максимально низко и выпустить шуп.

Ой!

Изображение дернулось, «ртутная» поверхность пришла в движение, и камера... Камера буквально вспорвалась в воздухе, каплей рухнув в жидкость!

– Исель! У меня все в по... – ожил динамик голосом Навана, и связь прервалась.

Исель взглянула через стекло на контрольный монитор и увидела градусник, выведенный Наваном на экран перед отлетом. Температура за стенками модуля была -190°C !

– Наван! – закричала Исель, забыв, что микрофон и так достаточно усиливает ее голос. – Наван, где ты?! Что случилось? Наван!

Она кричала и видела себя со стороны. Как она кричит и мечется в своем прозрачном аквариуме.

У той, что металась, перехватывало дыхание, она судорожно набирала в грудь воздух и кричала опять. Другая, словно бы онемевшая, смотрела на нее издали – из будущего или из прошлого. Она стала маленькой и чужой, а может быть, уже умерла от страха и одиночества.

Через двенадцать минут Исель прекратила кричать. Она сорвала голос.

Еще через две минуты она нашла в себе силы подойти к пюпитру и запросить отчет.

Связь со спутником была. Компьютер безропотно обозначил последнее местонахождение Навана. Муж почти достиг резервного склада. Ему не хватило тридцати четырех метров.

Исель всхлипнула и села на пол. Так она просидела, пока голодная Мегью не выбралась из своего гнезда и не замыкала, встав перед стеклянной стеной. Кошку Наван так и не покормил.

Исель встала. Кошку надо кормить. Кошка не виновата.

А кто виноват?

Пискнул сигнал оповещения. Исель увидела заповедное сообщение со спутника о холодном провале, движущемся расширяющимся кольцом и по пути постепенно теряющем силу. Спутник сообщал также о магнитных аномалиях. Бесценная информация для метрологов Марса. Уж они-то точно узнают, что случилось на Кайкго, когда вернутся сюда через 33 года!

Исель еще раз всхлипнула в тщетной попытке вызвать слезы.

Она надела шубку. Снаружи уже потеплело до -170°C , холодновато, но не для нее. Да и шубка наконец будет служить как надо.

С тех пор как в крови Исель проснулся вирус, она больше не ощущала холода. Врачи предупреждали, что без инъекций специальных препаратов тело ее онемеет, и она уснет надолго-надолго.

Без Навана ей оставалось только уснуть.

Электролыжи, припаркованные возле модуля, замерзли и, кажется, вышли из строя, но в модуле имелись запасные – в технической части, отгороженной от основной. Здесь для нее тоже было слишком тепло, но если натянуть на лицо маску, а на руки – перчатки...

Замаскированная Исель, как воровка, пробралась в собственный дом. Лыжи она нашла. Но заметила сквозь стекло голодную Мегью.

К счастью, был в кладовке и запас кошачьего корма. Исель надорвала упаковку и бросила пачку в двери модуля, как бомбу. Может, Мегью и обидится на такое кормление, но голод не тетка.

Потом Исель встала на лыжи и поехала к горам, к складу. Ей нужно было отыскать тело Навана.

Стемнело, и пейзажи не отвлекали внимание Исель. Она ехала и думала о страшном.

О том, что заморожен Наван, наверное, быстро и качественно. Что в ее крови есть ретровирус, который как раз и создан для правильной заморозки-разморозки человеческих тел. Что ее опыта хватит, чтобы выделить этот вирус, даже если она сожжет себе легкие теплым воздухом в лаборатории. Хотя... почему бы не понизить температуру до какого-нибудь терпимого предела? Предел обычного охлаждения воды $+4^{\circ}\text{C}$, может быть, она выдержит столько достаточно долго, чтобы произвести необходимые операции?

А Мегью? У нее на этот случай есть узурпированный ящик с бельем Навана!

Если у Исель ничего не получится, белье мужу больше не пригодится.

Исель не заметила, как доехала до нужной скалы. Увиденного она ждала, но все равно едва не провалилась в ступор: тело Навана напоминало ледяную скульптуру, ноги были крепко вставлены в лыжи.

Термометр показал, что в схроне $+10^{\circ}\text{C}$. Исель понизила температуру, подождала, пока помещение охладится до терпимого. Главное – не спалить раньше времени легкие.

Пробравшись в ангар, поражающий своими размерами, она подошла к туше резервного атомного

Вся ложбина, когда-то заросшая лесом, была теперь заполнена плотной парящей жидкостью. Над ней висело облако снежной пыли, но локаторы робота давали довольно четкое изображение: блестящая «ртуть» выделяла тепло!

робота. Активировала едва тлеющий реактор, отметила время ожидания.

Ждать было тяжелее всего. Эти три часа были ее тремя часами перед казнью.

Исель утаптывала снег, создавая вокруг тела Навана удобную площадку, потом диктовала список необходимого оборудования, включая и злополучный аппарат Бюела...

Наконец атомный гигант разогрелся и выполз из схрона.

Теперь нужно было отсоединить заклинившие лыжи. Отсоединить бережно и осторожно. Замерзший Наван стал таким хрупким.

Исель справилась не сразу. Она ругалась, пыталась плакать. Потом догадалась вытащить из своих лыж работающую электробатарейку и вставить ее в лыжи Навана. Лыжи ожили, открыли крепления и отпустили своего мертвого пленника.

Исель обернула тело мужа термоизолирующей пленкой. Дала команду роботу.

Его шупы нежно взяли тело Навана и погрузили в отсек для оборудования. В режиме магнитной левитации – так на Кайгко перевозили редких насекомых, чтобы не поломать роскошь лапок и усиков.

Она зашла в полетную капсулу робота и направила его к жилому модулю. Всего несколько минут, и они будут дома...

Но Исель не была бы биоинженером, если бы не отправила робота в облет ближайшей колонии камней.

Увиденное поразило ее. Никакого снежного туннеля над камнями больше не существовало. Вся ложбина, когда-то заросшая лесом, была теперь заполнена плотной парящей жидкостью. Над ней висело облако снежной пыли, но локаторы робота давали довольно четкое изображение: блестящая «ртуть» выделяла тепло! Видимо, это она растворила и древесные стволы, и приборы, и многотонных роботов!

Тело Навана Исель поместила в собственный саркофаг. Температуру отрегулировала так, чтобы постепенно повышать ее до -18°C . Помещение жилого модуля она начала охлаждать, просто распахнув дверь.

Возмущенная Мегью долго выражала мяуканьем свое несогласие, а потом забилась в бельевой ящик.

Спустя какое-то время Исель смогла войти в модуль и отрегулировать кондиционер на $+4^{\circ}\text{C}$. Усталости она не чувствовала.

Ей довольно много приходилось работать с кровью и вирусами, но не с ретровирусом. Она открыла библиотеку, чтобы познакомиться с темой, и заметила пометки Навана. Муж тоже интересовался ретровирусом, и тоже с прикладной точки зрения.

Исель открыла последние файлы, с которыми работал муж, и едва не вскрикнула от изумления: ей не нужно было выделять вирус из собственной крови! Он давно обитал в стеклянном шкафу-холодильнике! Наван бился с ним, пытаясь найти средство, которое заставит иммунные клетки-киллеры разорвать его на белки и сожрать.

Только сейчас Исель поняла, что Наван вообще не умел сдаваться. Вся их совместная работа была очень мирной, но в любом исследовании он упорно стремился дойти до конца. Он остался на Кайгко не только из-за поставленной задачи по исследованию камней. Он хотел вылечить Исель.

Она прижала к щекам защищенные перчатками руки. Знал бы Наван, что эти исследования помогут спасти его самого!

Исель закусила губу. Главное – вирус у нее был. Теперь нужно было бережно довести температуру тела Навана до -18°C и распылить вирус.

Две недели она почти не спала, каждые пару часов подсакивая и вглядываясь в экран компьютера – есть ли изменения?

Но изменения накапливались медленно.

Исель поняла, что сходит с ума и надо себя занять. На пятнадцатые сутки она активировала ро-

бота и полетела к камням. Там нужно было установить на безопасном расстоянии новую следящую аппаратуру.

– Это потрясающе! – раздался голос Навана. – Я чувствую, что весь мозг у меня забит ватой! Исель вскрикнула и проснулась.

Она спала на полу, на выломанной спинке дивана, прямо возле кровати мужа, ведь кровать в саркофаге была единственной.

– Что за безмозглая чертовщина! – ругался Наван, пытаясь выпутаться из проводков и датчиков, которые жена навертела вокруг него.

Исель вскочила. Неумытая, в измятой одежде. Измотав себя работой, она так и уснула вчера, не раздеваясь.

– Ты выяснила, что случилось с аппаратом Бюела? – спросил Наван, хмурясь и не очень понимая, где он и что с ним.

– Я заменила его, – покорно откликнулась Исель.

– А почему ты стоишь рядом? – Наван сел на кровати.

Он не мог вспомнить, чем же его удивляет близость Исель. Она же тихонечко опустилась перед ним на колени. Ноги не держали ее.

Наван потянулся к жене, обнял, но слабость захлестнула его, и он потерял равновесие. Супруги упали на спинку дивана, Исель уткнулась в мужа, покрывая его лицо, шею торопливыми, неловкими поцелуями. Горячими? Холодными? Да какая разница!

Наван забрался ей под блузку, продолжая бормотать что-то про роботов, камни...

– А как же колония? Она пережила холод? – еще сумела расслышать Исель.

– Ты был прав, – бормотала она между поцелуями. – Бактерии... Мм... Я... Я сумела взять пробы... Руками, милый. Эта дрянь не растворяет только живое. Насекомые просто плавают в ней. И мыши... Ага... Ум... Потому она выделяла изолирующую подстилку из геля, чтобы не растворить полпланеты. Я думаю, вокруг камней ты найдешь свое идеальное топливо.

– А? – откликнулся Наван, отрываясь от ее груди.

– Топливо, Наван...

– Какое топливо, любимая?

Ну что ты еще теперь спросишь?

Про Мегью? Она прожила долгую кошачью жизнь. А потом они клонировали ее, и она прожила еще две, и еще много осталось. У кошки ведь – девять жизней.

Победили ли они вирус?

У них было 33 года зимы на Кайкго, и холод им уже не был страшен.

А когда вернулся Сион Асмин... Да-да, люди будущего стали жить очень, очень долго. Он застал на Кайкго...

Но лучше ты сам догадайся, кого он застал?

Скажу лишь, что эти маленькие ручки сумели-таки наложить ему полную тарелку варенья из «оранжевых бусин». И Сиону пришлось съесть все до последней ложки, да-да, а куда ему было деваться?

